

**КНИГИ
Джеймса Клавелла**

СЁГУН

ТАЙПАН

ГАЙДЗИН

КОРОЛЬ КРЫС

БЛАГОРОДНЫЙ ДОМ

Книга 1. На краю пропасти

Книга 2. Рискованная игра

УРАГАН

Книга 1. Потерянный рай

Книга 2. Бегство из рая

Джеймс Клавелл

БЛАГОРОДНЫЙ ДОМ

Роман о Гонконге

КНИГА 2

РИСКОВАННАЯ ИГРА

Издательство «Иностранка»
МОСКВА

ГЛАВА 39

4:50

До рассвета оставалось около часа, шел проливной дождь. Взглянув на полубогаженное тело Джона Чэня, Пун Хорошая Погода выругался. Он тщательно обыскал всю одежду убитого, обшарил все комки грязи там, где был закопан труп. Откапывали его двое юнцов — Цзинь Пак и Чэнь Собачье Ухо, и казалось, этим комкам не будет конца. Но найти ничего не удалось — ни целых монет, ни их частей, ни драгоценностей, ничего. А Четырехпалый У сказал намедни: «Найди ту половинку монеты, Пун Хорошая Погода!» Позже старик дал дополнительные указания, и Пун Хорошая Погода остался очень доволен, потому что это снимало с него ответственность и ошибки быть не могло.

Он приказал Чэню Собачье Ухо и Цзинь Паку спустить труп Папаши Цзиня вниз по лестнице и пригрозил Рябому Цзиню, который держался за свою изуродованную руку, что отрежет ему язык, если тот еще раз застонет. Труп оставили в одном из переулков. Потом Пун Хорошая Погода разыскал Короля Нищих Коулун-сити, который приходился Четырехпалому У дальним родственником. Все нищие входили в гильдию, и у них имелись свои короли: один — в Гонконге, другой — в Коулуне и третий — в Коулун-сити. В старые времена нищенство было доходным занятием, но теперь, когда за него давали большой тюремный срок, из-за штрафов и появления множества других хорошо оплачиваемых занятий все переменялось.

— Понимаете, Почтенный Король Нищих, этот наш знакомый только что умер, — терпеливо объяснял Пун Хорошая Погода важному старику. — Родственников у него нет, поэтому его оставили на улице в переулке Цветочников. Мой Великий Дракон, несомненно, будет признателен за небольшую услугу. Не могли бы вы похоронить умершего по-тихому?

Он из вежливости поторговался, заплатил согласованную цену и пошел к такси и машине, дожидавшимся его за городской чертой, довольный, что теперь труп исчезнет бесследно навсегда. Цзинь Пак уже сидел в такси на переднем сиденье. Пун сел рядом.

— Веди нас к Джону Чэню, — приказал он. — И побыстрее!

— Выезжай на Шатинь-роуд, — важно велел Цзинь Пак водителю.

Чэнь Собачье Ухо съезжился на заднем сиденье рядом с уличными бойцами Пуна Хорошая Погода. Рябой Цзинь и остальные следовали за ними в машине.

Обе легковушки повернули на северо-запад в сторону Новых Территорий по дороге из Шатиня в Тайбо. Она петляла между деревушками, зонами новой застройки и лачугами поселенцев, переваливала через холм, огибая идущую на север, к границе, железную дорогу и минуя плодородные сады с висевшим над ними густым запахом навоза. Здесь выращивали фрукты на продажу. Не доезжая до рыбацкой деревушки Шатинь, где справа открывалось море, они свернули с главной дороги налево, на проселок, усеянный выбоинами и лужами. В небольшой рощице остановились и вышли.

Шел теплый дождь, и от земли поднимался свежий аромат. Взяв лопату, Цзинь Пак повел всех в кусты. Пун Хорошая Погода светил фонариком, а Цзинь Пак, Чэнь Собачье Ухо и Рябой Цзинь искали. Найти точное место в темноте оказалось непросто. Они дважды начинали копать, и только потом Цзинь Пак вспомнил, что отец пометил место захоронения камнем в форме полумесяца. Промокнув до нитки и переругавшись, они в конце концов нашли камень и снова взялись копать. Под верхним слоем земля была сухая. Спустя какое-то время они извлекли труп, завернутый в одеяло. От него шла страшная вонь. Пун Хорошая Погода заставил их снять с трупа одежду и прилежно обыскал его, но ничего не нашел.

— Все остальное вы послали Благородному Дому Чэнь? — снова спросил он. Лицо его было мокрым от дождя, насквозь промокла и вся одежда.

— Да, — вызывающе ответил молодой Цзинь Пак. — Сколько раз, эти его, можно это повторять? — Он ужасно устал, с одежды текло, и он был уверен, что его ждет смерть.

— Всем снять с себя ваши дерьмовые тряпки. Туфли, носки — все. Хочу посмотреть, что у вас в карманах.

Они повиновались. У Цзинь Пака на шее висела на тесемке дешевая круглая нефритовая пластинка. В Китае почти все носят кусочек нефрита на счастье, потому что знают: если злой бог заставит тебя споткнуться, дух нефрита встанет между тобой и злым богом и, приняв на себя основную тяжесть падения, рассыплется, не дав разбиться тебе. Ну а если не встанет, то, значит, к сожалению, дух нефрита спит, и такая у тебя судьба, ничего не поделаешь.

В карманах Цзинь Пака Пун Хорошая Погода не нашел ничего и швырнул ему одежду назад в крайнем раздражении.

— Можешь одеваться, и одень снова труп. Пошевеливайся!

У Чэня Собачье Ухо нашлось почти четыреста гонконгских долларов и качественный нефритовый браслет. Один из бойцов забрал браслет себе, деньги Пун положил в карман и повернулся к Рябому Цзиню. У всех глаза на лоб полезли при виде толстого рулона свернутых банкнот, найденного в кармане брюк этого юнца.

— Во имя Шлюхи Небесной, откуда у тебя все это? — удивился Пун Хорошая Погода, тщательно оберегая деньги от дождя.

Тот рассказал, как тряс счастливыхчиков, выходявших из «Хо-Пак». Все посмеялись, похвалив его за сообразительность.

— Молодец, неплохо придумано, — одобрил Пун. — Бизнесмен ты хороший. Одевайся. Как звали ту старуху?

— Она назвалась А Там. — Рябой Цзинь смахнул капли дождя с глаз. Пальцы ног скользили в грязи, изуродованная рука вся горела, и боль была невыносимой. — Я отведу вас к ней, если хотите.

— Эй, посветите мне, эти его! — Это был Цзинь Пак. Он стоял на четвереньках и старался натянуть одежду на труп Джона Чэня. — Может кто-нибудь помочь?

— Помогите ему!

Чэнь Собачье Ухо и Рябой Цзинь поспешили на помощь, а Пун Хорошая Погода снова направил луч света на труп. Тело раздулось и отекло, дождь смывал с него грязь. Сзади голова Джона Чэня была разбита, на спутавшихся волосах запеклась кровь, однако лицо еще можно было узнать.

— *Аййя*, — произнес один из людей Пуна, — давайте кончать с этим. Чувствую, где-то здесь шныряют злые духи.

— Только брюки и рубашка — этого достаточно, — буркнул Пун Хорошая Погода. Он подождал, пока тело частично одели.

Потом обратил взгляд на Вервольфов. — Ну, так и кто из вас, суки вы безродные, помог старику убить этого, ети его, бедолагу?

— Я уже го... — начал Цзинь Пак и осекся, потому что двое других указали на него и, произнеся одновременно: «Это он», отвернулись.

— Мне все время так и казалось! — Пун Хорошая Погода был доволен, что наконец-то удалось распутать клубок. Его толстый указательный палец уперся в Цзинь Пака. — Залезай в раскоп и ложись.

— У нас есть верный план, как похитить главу Благородного Дома Чэнь. Мы все поймеем от этого в два, в три раза больше, чем принес этот блудодей. Я расскажу вам как, *хейя?* — предложил Цзинь Пак.

Пун Хорошая Погода на миг задумался, но тут же вспомнил указания Четырехпалого.

— Давай в раскоп и в грязь лицом!

Глядя в неумолимые глаза, Цзинь Пак понял, что для него все кончено. Он пожал плечами. Значит, судьба.

— Помочиться я хотел на всех твоих предков, — сказал он и, забравшись в яму, лег в нее.

Он положил голову на разложенные в грязи руки и стал прощаться с жизнью. Из небытия в небытие, навсегда оставаясь частью семьи Цзинь во всех ее поколениях, вечно живой в этом нескончаемом потоке из поколения в поколение через всю историю в бессмертное будущее.

Пун Хорошая Погода взял лопату и, отдавая должное храбрости юнца, отправил его на тот свет мгновенно, всадив острый край лопаты между позвонками и надавив на рукоять. Цзинь Пак умер, даже не поняв этого.

— Забросайте могилу!

Чэнь Собачье Ухо окаменел от страха, но тут же бросился выполнять приказание. Усмехнувшись, Пун Хорошая Погода подставил ему ножку и дал хорошего пинка за трусость. Тот рухнул в яму. Лопата в руках Пуна Хорошая Погода мгновенно взмыла и, описав полукруг, с хрустом врезалась Чэню Собачье Ухо в спину. Охнув, тот рухнул на тело Цзинь Пака. Остальные засмеялись, а один сказал:

— И-и-и, классный удар! Как заморские дьяволы лупят битой в крикете. Здорово. Он готов?

Пун Хорошая Погода не ответил, глядя на последнего Вервольфа, Рябого Цзиня. Все тоже уставились на него. Он стоял под дождем и не двигался. Именно тогда Пун Хорошая Погода обратил внимание на тугую тесемку вокруг его шеи. Подойдя с фонариком, Пун увидел, что другой конец свисает парню на спину. Его оттягивала разломанная пополам монета с аккуратно просверленной в ней дыркой. Монета была медная и, похоже, старинная.

— Да пустят ветры все боги в лицо Цао Цао!¹ Где ты это взял? — спросил он, расплываясь в улыбке.

— Отец дал.

— А у него это откуда, мразь ты мелкая?

— Он не сказал.

— Он мог взять это у Первого Сына Чэнь?

Тот снова пожал плечами:

— Не знаю. Меня здесь не было, когда его убивали. Я не виноват, клянусь головой матери!

Резким движением Пун Хорошая Погода сорвал у него тесемку с шеи.

— В машину его, — приказал он двум бойцам. — Присмотрите за ним. Возьмем его с собой. Да, мы возьмем его с собой. Остальных засыпать, и могилу замаскировать хорошенько.

Оставшимся двоим бойцам он велел взять одеяло с телом Джона Чэня и следовать за ним. Они неуклюже двигались за вожаком в темноте.

Устало шагая и обходя лужи, Пун вышел к Шатинь-роуд. Неподалеку стоял полусломанный навес автобусной остановки. Выбрав момент, когда на дороге не было машин, он подал знак, и его люди, быстро развернув одеяло, пристроили тело стоймя в углу. Пун вынул подготовленную Вервольфами надпись и тщательно укрепил на груди трупа.

— Зачем ты это делаешь, Пун Хорошая Погода, *хейя*? Зачем ты дел...

— Потому что Четырехпалый приказал! Откуда я знаю? Заткни свой, ети его, рот...

Их неожиданно залило светом фар вывернувшей из-за поворота машины. Они застыли и отвернулись, сделав вид, что ждут

¹ Цао Цао (155–220) — китайский поэт, полководец и государственный деятель последних лет династии Восточная Хань. Популярный персонаж классического романа «Троецарствие». В литературной и фольклорной традиции — коварный и жестокий правитель.

автобус. Когда машина благополучно проехала мимо, они бросились бежать. Небо уже окрасилось первыми проблесками зари, и дождь стал утихать.

Зазвонил телефон. Не открывая глаз, Армстронг нащупал в полутьме трубку. Беспokoйно заметавшись, проснулась и его жена.

— Это главный сержант Тан-по, сэр. Извините, что разбудил, сэр, но мы нашли Джона Чэня. Вер...

Армстронг мгновенно проснулся.

— Живого?

— *Цзю ни ло мо*, нет, сэр. Его труп обнаружен на автобусной остановке, под навесом на остановке, сэр. Эти, эти их, Вервольфы прикололи к его груди записку, сэр: «Первый Сын Чэнь был настолько глуп, что попытался скрыться от нас. Никому не скрыться от Вервольфов! Пусть об этом знает весь Гонконг. Наши глаза везде!» Он...

Потрясенный Армстронг слушал, а сержант продолжал взволнованно рассказывать, как какой-то ранний пассажир автобуса вызвал полицию в Шатинь. Копы тут же оцепили окрестности и позвонили в уголовный розыск Коулунa.

— Что нам делать, сэр?

— Немедленно вышлите за мной машину.

Армстронг повесил трубку и стал тереть глаза, чтобы прогнать усталость. На нем был саронг¹, который красиво смотрелся на мускулистом теле.

— Что-нибудь случилось? — Подавив зевок, Мэри потянулась. Ладная сорокалетняя женщина с каштановыми волосами и милым, хотя и тронутым морщинками лицом, она была всего на два года младше мужа.

Он рассказал, наблюдая за ней. Мэри охнула и побледнела.

— Какой ужас. Ох, какой это ужас. Бедный Джон!

— Я приготовлю чай.

— Нет, я сама. — Изогнувшись крепким телом, она встала с постели. — У тебя будет время?

— Только на одну чашку. Слушай, какой дождь... Самое время, черт возьми!

¹ *Саронг* — большой кусок ткани, который обычно оборачивают вокруг талии и носят как юбку и мужчины, и женщины в странах Юго-Восточной Азии и на островах Тихого океана.

Армстронг задумчиво прошел в ванную, быстро побрился и оделся, как это умеют делать только полицейские и врачи. Два глотка горячего сладкого чая, и не успел он взяться за тост, как раздался звонок в дверь.

— Я позвоню потом. Как насчет карри сегодня вечером? Можно пойти к Сингху.

— Да, — сказала она. — Пойдем, если хочешь.

Дверь за ним закрылась.

Мэри Армстронг продолжала смотреть на нее. «Завтра наша пятнадцатая годовщина. Интересно, помнит ли он? Скорее всего, нет. За прошедшие четырнадцать его в этот день восемь раз не было дома, один раз я лежала в больнице, а остальные... остальные, думаю, прошли нормально».

Она подошла к окну и отдернула занавеси. В полутьме по окнам струились потоки дождя, но они несли приятную прохладу. Мебель в этой квартире с двумя спальнями принадлежала им, но сама квартира была казенная, не станет работы — не станет и ее.

«Господи, что за работа!

Как паршиво быть женой полицейского. Всю жизнь только и делаешь, что ждешь, когда он вернется домой, и переживаешь, как бы его не пырнул ножом какой-нибудь гнусный преступник, как бы его не застрелили, не ранили. Ночью чаще всего спишь одна. И в любое время дня и ночи может разбудить паршивый звонок с сообщением о каких-нибудь еще более паршивых неприятностях, и вот он опять уходит. Работает за двоих, а получает гроши. А ты идешь в Полицейский клуб и сидишь там с женами других копов, пока мужики надираются, и обмениваешься сплетнями, и пьешь слишком много розового джина. У них, по крайней мере, есть дети.

Дети! О боже... были бы у нас дети.

Но ведь большинство жен жалуются, что ужас как устают, что дети их выматывают. И потом эти *ама*, и школа, и расходы... и все остальное. Для чего, черт возьми, нужна эта жизнь? Какая мерзкая, пустая трата времени! Какая невыразимо мерзкая...»

Зазвонил телефон.

— Заткнись! — прикрикнула она на него, а потом нервно рассмееялась. «Что-то разошлась ты, Мэри, Мэри Все Наоборот¹», — пожурила она себя и подняла трубку. — Алло?

¹ *Мэри Все Наоборот* — героиня английского детского стишка: «Что в саду у нашей Мэри, // Мэри Все Наоборот? // Колокольчики, ракушки // И девчонок хоровод».

— Мэри, это Брайан Квок, прошу прощения, что разбудил, а Робе...

— О, привет, дорогой. Нет, извини, он только что уехал. Что-то насчет Вервольфов.

— Да, я только что узнал, поэтому и звоню. Он поехал в Шатинь?

— Да. Ты тоже едешь?

— Нет. Я со Стариком.

— Бедняга. — Она услышала, как он засмеялся. Они немного поболтали, и Брайан откланялся.

Вздохнув, она налила себе еще одну чашку чая, добавила молока и сахара и стала думать о Джоне Чэне. Когда-то она безумно любила его. Их связь длилась больше двух лет, он был у нее первым. А происходило это в японском лагере для интернированных, в тюрьме Стэнли, на юге острова.

В 1940 году она с отличием сдала в Англии экзамены по гражданской службе, и через несколько месяцев ее послали в Гонконг. Морское путешествие вокруг мыса Доброй Надежды выдалось долгим, и она прибыла сюда лишь в конце сорок первого. Ей тогда исполнилось всего девятнадцать, и ее почти сразу же интернировали вместе со всеми гражданскими европейцами. В Стэнли она оставалась до 1945 года.

«Когда я выбралась оттуда, мне было двадцать два, и последние два года мы с Джоном любили друг друга. Бедняга Джон, его постоянно пилил мерзкий отец и больная мать. Ему некуда было деться от них». В лагере не представлялось почти никакой возможности уединиться, всех держали вместе в одном тесном и душном помещении: семьи, дети, грудные младенцы, мужья, жены. И все годы — ненависть, голод, зависть и совсем немного смеха. Она любила его, и это помогло вынести все лагерные невзгоды...

«Не хочется вспоминать об этом гнусном времени.

Или о гнусном времени после лагеря, когда он женился на той, кого ему выбрал отец, — паршивая маленькая мегера, но с деньгами, влиянием и семейными связями в Гонконге. У меня такого не было. Надо было вернуться домой, но домой не хотелось — да и что там, дома, к чему возвращаться? Так что я осталась, устроилась на работу в Колониальное управление, и все было неплохо, довольно неплохо. А потом встретила Роберта.

Ах, Роберт... Ты был хорошим мужем и хорошо относился ко мне, и нам было весело, и я была тебе хорошей женой, и по-преж-

нему стараюсь. Но я не могу иметь детей, а ты... мы оба хотим детей, и однажды, несколько лет назад, ты узнал о Джоне Чэне. Ты никогда не спрашивал меня о нем, но я знаю, что ты знаешь, и с того времени ненавидишь его. Все это случилось задолго до того, как я встретила тебя, и ты знал, что я была в лагере, но не знал, что у меня был любовник. Помнишь, как перед свадьбой я спросила: „Ты хочешь знать о том, что было, дорогой?“ И ты сказал: „Нет, старушка“.

Ты, бывало, частенько называл меня „старушка“. Теперь ты никак меня не называешь. Только Мэри иногда.

Бедный Роберт! Как я, должно быть, разочаровала тебя!

Бедный Джон! Как ты разочаровал меня, когда-то такой замечательный, а теперь такой совсем мертвый.

Лучше бы я тоже умерла».

И она зарыдала.

ГЛАВА 40

7:15

— Похоже, дождь и не думает заканчиваться, Алексей, — сказал Данросс, глядя на мокрые скаковые дорожки и хмурое, затянутое тучами небо.

— Согласен, тайбань. Если и завтра будет дождь, даже не весь день, то ход в субботу будет скверный.

— Жак? Ты что думаешь?

— Согласен, — откликнулся де Виль. — То, что дождь пошел, слава богу, но *merde*, будет очень жаль, если скачки отменят.

Данросс кивнул.

Они стояли на травяном газоне около круга почета на ипподроме Хэппи-Вэлли, все трое в плащах и шляпах. У Данросса через все лицо тянулась широкая ссадина с синяками, но взгляд был тверд и ясен. Спокойный и уверенный, он наблюдал за нависшими облаками и дождем, который по-прежнему лил, хотя не так сильно, как ночью. Вокруг паддока и на трибунах в такой же задумчивости стояли другие тренеры, владельцы и просто любопытствующие. Среди нескольких лошадей, выведенных на разминку, были Ноубл Стар, Буканир, Баттерскотч Лэсс, с которой работал жокей конюшни, и Пайлот Фиш Горнта. Всех вели осторожно на очень коротких поводьях: и на дорожке, и на подходе к ней было

очень скользко. Лишь Пайлот Фиш пританцовывал: дождь ему нравился.

— Сегодня утром в прогнозе погоды сказали, что штормовой фронт идет огромный. — Вокруг карих глаз Травкина лежали темные круги, он пристально смотрел на Данросса. — Даже если завтра дождь перестанет, ход в субботу все равно будет мягкий.

— А от этого шансы Ноубл Стар выше или ниже, Алексей? — спросил Жак.

— На все воля Божья, Жак. Она никогда не бежала на мокром грунте.

Травкину было трудно сосредоточиться. Вчера вечером раздался телефонный звонок — тот же тип из КГБ. Он грубо прервал расспросы о причинах своего внезапного исчезновения. «Вам не положено спрашивать, князь Курганский. Лишь расскажите все, что знаете о Данроссе. Сейчас же. Все. Его привычки, слухи о нем, все».

Травкину пришлось подчиниться. Он понимал, что повязан по рукам и ногам, что кагэбэшник, должно быть, записывает разговор на пленку, чтобы проверить, насколько его рассказ соответствует истине. Мельчайшее отклонение от правды может стать гибельным для его жены, или сына, невестки, внуков — если они вообще существуют.

«Существуют ли они?» — задавался он мучительным вопросом.

— Что с тобой, Алексей?

— Ничего, тайбань, — ответил Травкин, чувствуя себя так, словно вымарался в грязи. — Размышляю над тем, что вам пришлось испытать вчера вечером. — Новости о пожаре заполнили все диапазоны вещания. И все сообщения затмил душераздирающий рассказ Венеры Пань, свидетельницы произошедшего. — Другим ужасно не повезло, верно?

— Да. — Пока в погибших числилось пятнадцать человек, сгоревших и утонувших, в том числе двое детей. — Не один день пройдет, пока выяснится, сколько погибло на самом деле.

— Ужас, — вздохнул Жак. — Когда я услышал об этом... Если бы Сюзанна была здесь, мы тоже бы попались. Она... Странно, как иногда складывается жизнь.

— Какая-то огненная западня, черт побери! Со мной первый раз такое, — признался Данросс. — Все ужинали там не один десяток раз... Я встречаюсь сегодня утром с губернатором по поводу всех этих плавающих ресторанов.

— Но у вас-то все в порядке, у вас лично? — спросил Травкин.
 — О да. Никаких проблем. — Данросс мрачно улыбнулся. — Если мы все не подхватим круп¹ после купания в этой выгребной яме.

Когда «Плывущий дракон» неожиданно перевернулся, Данросс, Горнт и Питер Марлоу были в воде прямо под ним. Из мегафона на полицейском катере прозвучало отчаянное предупреждение, и все трое рванулись прочь. Данросс плавал хорошо, и они с Горнтом успели покинуть опасную зону, но поднявшейся волной их отбросило назад. Уходя под воду, Данросс увидел, что в воронку затянуло наполовину заполненную людьми шлюпку, что она перевернулась и Марлоу в беде.

Он позволил бурлящему потоку отнести себя, пока шлюпка не легла на борт, и нырнул за Марлоу. Данросс нащупал пальцами его рубашку и уцепился за нее. Какое-то мгновение их обоих кружило, затянуло еще на несколько фатомов² вниз и ударило о палубу. От этого удара Данросс чуть не потерял сознание, но продолжал держать Марлоу и, когда тянуть вниз стало меньше, заработал ногами и всплыл. Их головы показались на поверхности вместе.

Марлоу выдохнул слова благодарности и рванулся к Флер, которая вместе с другими цеплялась за борт опрокинувшейся шлюпки. Вокруг царил хаос, люди хватали воздух ртом, тонули, их спасали матросы и те, кто посильнее. Данросс заметил, как за кем-то нырнула Кейси. Горнта нигде не было. Всплыл Бартлетт, держа Кристиана Токса, и метнулся за спасательным кругом. Убедившись, что Токс надежно держится за круг, он прокричал Данроссу: «Думаю, Горнта затянуло вниз, еще там была какая-то женщина...» — и тут же нырнул снова.

Данросс огляделся. «Плывущий дракон» уже почти лег на борт. Он ощутил подводный взрыв, вода вокруг на какое-то время забурлила. Показалась Кейси, чтобы набрать в легкие воздуха, и снова ушла под воду. Данросс тоже нырнул. Почти ничего было не разобрать, но он прошел на ощупь всю верхнюю палубу опрокинувшейся шлюпки, которая теперь стояла в воде почти вертикально. Поискал вокруг, оставаясь под водой, сколько мог, потом осторожно всплыл, потому что вокруг по-прежнему барахталось

¹ *Круп* — болезнь гортани, вызванная крупозным воспалением слизистой оболочки. Сопровождается сужением просвета дыхательных путей, затруднением дыхания и часто заканчивается полным задушением больного.

² Фатом (морская сажень) равен 1,83 м.

множество людей. Токса тошнило морской водой, он давился, но не выпускал спасательный круг. Данросс подплыл к нему и стал буксировать к какому-то матросу, зная, что Токс не умеет плавать.

— Держись, Кристиан... Уже все нормально.

Токс отчаянно пытался что-то сказать между позывами рвоты.

— Моя... моя жена... она внизу... внизу там... внизу...

К ним подплыл матрос.

— Я держу его, сэр. Вы в порядке?

— Да... да... Он говорит, его жену засосало.

— Господи! Я никого не видел... Сейчас позову на помощь! —

Матрос повернулся в сторону полицейского катера и стал кричать.

Несколько его товарищей тут же бросились в воду и начали поиск. Данросс искал Горнта, но не увидел. Подплыла задыхающаяся Кейси и уцепилась за борт шлюпки, чтобы перевести дух.

— Как вы, ничего?

— Да... да... Слава богу, с вами все хорошо... — говорила она, задыхаясь. Грудь ее тяжело вздымалась. — Там внизу какая-то женщина, думаю, китаянка. Я видела, как ее засосало.

— Горнта не видели?

— Нет... Может, он... — Она показала в сторону катера.

Там люди забирались по трапу, другие сбились в кучу на палубе. На мгновение из воды показался Бартлетт и погрузился снова. Кейси сделала еще один глубокий вдох и скользнула в воду. Данросс нырнул вслед за ней, держась чуть правее.

Втроем они продолжали поиски до тех пор, пока все остальные не оказались в безопасности на катере или сампанах. Женщину так и не нашли.

Когда Данросс добрался домой, Пенелопа крепко спала, но тут же проснулась.

— Иэн?

— Да. Спи, спи, дорогая.

— Все прошло хорошо? — сонно спросила она.

— Да. Спи, спи.

А час назад сегодня ему удалось уйти из Большого Дома, не разбудив ее.

— Ты слышал, что Горнт выплыл, Алексей? — спросил он.

— Да-да, слышал, тайбань. На все воля Божья.

— То есть?

— После вчерашнего, на фондовой бирже, было бы очень кстати, если бы он не выплыл.

Ухмыльнувшись, Данросс потянулся, чтобы ослабить боль в спине.

— Ага, но тогда бы я очень расстроился, на самом деле расстроился, потому что это лишило бы меня удовольствия уничтожить «Ротвелл-Горнт» самому, а?

— Поразительно, что не погибло больше народу, — заметил де Вилль, помолчав.

Они понаблюдали за прошедшим мимо рысью Пайлот Фишем: жеребец смотрелся весьма неплохо. Де Вилль окинул взглядом ипподром.

— Правда, что Бартлетт спас жизнь жене Питера Марлоу? — спросил Травкин.

— Да. Он прыгнул вместе с ней. И Линк, и Кейси поработали здорово. Просто великолепно.

— Прошу прощения, тайбань. Там Джейсон Пламм, — Жак кивнул в сторону трибун. — Мы с ним играем в бридж сегодня вечером.

— До встречи на «молитве», Жак, — улыбнулся ему Данросс, и де Вилль отошел. Он вздохнул, переживая за друга. — Я поехал в офис, Алексей. Позвони мне в шесть.

— Тайбань...

— Что?

Травкин колебался. А потом взял и рубанул:

— Хочу лишь, чтобы вы знали: я... я преклоняюсь перед вами.

Данросса смутило это неожиданное изъяснение чувств и исходившая от Травкина неприкрытая, необъяснимая грусть.

— Спасибо, — тепло произнес он, похлопав тренера по спине. Так по-дружески он еще никогда к нему не прикасался. — Ты и сам человек неплохой.

Травкин провожал его глазами, грудь распирало от боли, и к капелькам дождя добавились слезы стыда. Он вытер лицо тыльной стороной руки и снова стал наблюдать за Ноубл Стар, пытаясь сосредоточиться.

Заметив кого-то боковым зрением, он повернулся в ту сторону и вздрогнул. В углу трибун он увидел того самого человека из КГБ, к которому как раз подходил другой. Этот другой, уже в летах, был хорошо известный в Гонконге игрок на скачках. Травкин стал вспоминать, как его зовут. «Клинкер. Точно. Клинкер!»

Какое-то мгновение тренер безучастно смотрел на них. На трибуне сразу за кагэбэшником сидел Джейсон Пламм. Травкин видел, как Пламм встал, чтобы помахать в ответ Жаку де Виллю, и спустился по ступенькам навстречу ему. Как раз в этот момент кагэбэшник взглянул в сторону Травкина, и тот из осторожности отвернулся, решив впредь действовать осмотрительнее. Кагэбэшник поднес к глазам бинокль, и Травкин не знал, заметили его или нет. При мысли, что мощный бинокль наведен на него, по коже поползли мурашки. «А что, если этот мерзавец умеет читать по губам? — в ужасе думал Травкин. — Господи Иисусе и Матерь Божья, слава Богу, я не выложил тайбаню всей правды».

На сердце было тошно, он чувствовал себя разбитым. На востоке сверкнула молния. От дождя на бетоне и открытых нижних трибунах уже образовались лужи. Травкин старался успокоить себя и беспомощно озирался, не зная, что делать: так хотелось выяснить, кто же все-таки этот человек из КГБ. Рассеянно глядя на Пайлот Фиша, он обратил внимание, что жеребец заканчивает проездку в отличной форме. За ним Ричард Кван о чем-то оживленно говорил с группой китайцев, незнакомых Травкину. У перил, опираясь на них, стояли Линбар Струан с Эндрю Гэвалланом, американец Роузмонт и еще кто-то из консульства, кого тренер знал только в лицо. Не обращая внимания на дождь, все наблюдали за лошадьми. Около раздевалок под навесом Дональд Мак-Брайд о чем-то беседовал с другими распорядителями, среди которых были сэр Шитэ Чжун, Пагмайр и Роджер Кросс. Травкин увидел, как Мак-Брайд бросил взгляд на Данросса и, помахав ему рукой, пригласил присоединиться к ним. Неподалеку от распорядителей Роджера Кросса поджидал Брайан Квок. Травкин знал обоих, но не подозревал, что они из Эс-ай.

Ноги сами понесли тренера к ним. Во рту появился противный привкус желчи. Но Травкин подавил желание броситься к ним и рассказать все как есть. Вместо этого он подозвал своего главного *мафу*.

— Давай всю нашу конюшню домой. Всех. Проследи, чтобы обсохли до кормежки.

— Есть, сэр.

Расстроенный Травкин ползл в раздевалку. Уголком глаза он заметил направленный на него бинокль кагэбэшника. Струйки дождя затекали под воротник и смешивались с выступившим от страха потом.

— Ах, Иэн, мы тут вот думаем, если завтра будет дождь, лучше отменить соревнования. Скажем, завтра в шесть вечера, — сказал Мак-Брайд. — Ты не возражаешь?

— Вообще-то нет. Предлагаю вынести окончательное решение в субботу в десять утра.

— А это не слишком поздно, старина? — спросил Пагмайр.

— Нет, если распорядители предупредят радио и телевидение. Это еще больше подогреет интерес. Особенно если вы сообщите об этом сегодня.

— Неплохо придумано, — оценил Кросс.

— Тогда с этим решено, — подытожил Данросс. — Есть еще вопросы?

— Как ты считаешь... ведь речь идет о чести ипподрома, — проговорил Мак-Брайд. — Мы не хотим терять репутацию.

— Абсолютно согласен, Дональд. Окончательное решение вынесем в субботу в десять. Все «за»? — Никто не возражал. — Прекрасно! Больше ничего? Прошу прощения, но у меня через полчаса встреча.

— О, тайбань, я так сожалею о вчерашнем... Это ужасно, — обратился к нему Шитэ: ему было явно не по себе.

— Да, Шити, на совете у губернатора в полдень нам нужно предложить ввести новые, очень строгие правила пожарной безопасности для Абердина.

— Согласен, — поддержал Кросс. — Просто чудо, что не погибло больше людей.

— Ты хочешь сказать, старина, что рестораны будут закрыты? — разволновался Пагмайр. Его компания вложила средства в два таких заведения. — Это нанесет огромный урон туризму. Дополнительные выходы там не устроить... Нужно все делать заново!

Данросс снова глянул на Шитэ:

— Почему бы губернатору не распорядиться, чтобы все кухни немедленно перевели на баржи, которые можно пришвартовать к ресторану? Может, предложишь ему? Пусть даст указание поставить рядом пожарные машины, пока будут производить изменения. Расходы незначительные, управлять нетрудно, а с угрозой пожара будет покончено раз и навсегда.

Все уставились на него. Шитэ расплылся в улыбке:

— Иэн, ты гений!

— Нет. Я лишь жалею, что мы не подумали об этом раньше. Мне это никогда и в голову не приходило. Так ужасно получилось с Зепом... и с женой Кристиана, верно? Ее тело еще не нашли?